

Боже, как же сложно...

Марта выбирается из постели и движется в сторону выхода, едва переставляя ноги. Лежать больше не было сил.

Ей даже не давали почитать, запретили лишнюю нагрузку, накачав убойной порцией зелья. Делать нечего. Оставалось только пялиться в стены, сплошь покрытые жёлтой краской. Не кислотно яркой, что резала глаза и срывала крышу, а мягкой лимонной. Все здесь убеждены, что визуальное восприятие благоприятно влияет на восстановление. Успокаивает.

Стены все равно раздражали. Хотя язык и не поворачивался выплюнуть какое-нибудь ругательство, они все равно раздражали.

Но недовольство звучало каким-то поблекшим голосом, где-то глубоко внутри, и мелко-мелко грызло, почти не доставляя дискомфорта. Марта думала об этом отстраненно, просто озвучивала про себя, как факт:

Меня это раздражает.

Будто и не ее чувство совсем, простое словосочетание, лишенное экспрессивной окраски.

Все, о чем она думала сейчас, было похоже на перебирание бисера. Тихую, рутинную, спокойную работу. Вялое перекачивание мыслей — одна за другой, одна за другой.

Одна за другой...

На пороге больничной палаты ее окликнули.

— Я хочу пройтись, Альберта, — просто ответила Марта, даже не посмотрев на целительницу.

— Понимаю, понимаю, — энергично кивая и расплываясь в материнской ласковой улыбке, сказала целительница вдогонку.

Ее было трудно заставить соблюдать постельный режим. А во время диагностики Марта всегда просила сперва погрузить её в сон.

Лишь бы не слушать голоса целителей, лишь бы не наблюдать над собой карту полушарий мозга, лишь бы не впадать в уныние, лишь бы не знать прогнозов.

Каждый день ей выписывали лошадиные дозы зелий, чтобы ускорить восстановление, но после них Марта практически ничего не соображала. Ее пугало это состояние — отчужденности тела

от мозга. И ей не хотелось превращать свою жизнь в бесконечную вереницу лимонных халатов и зелий, чтобы просто выпросить у судьбы лишний год или два.

Когда слабость была настолько сильной, что она едва могла шевелить рукой, Марта все равно просила приносить ей хотя бы дурацкие медицинские буклеты. Без разницы, что читать, лишь бы делать что-то.

Лишь бы чувствовать себя живой.

Она стала насилу подниматься с кровати, только бы занять себя. Только бы не растерять свою личность, похороненную в мутных глубинах разума.

Марта начала слоняться по больнице Святого Мунго, считая кусочки мозаики на окнах, напольные швы, цепляя пальцами зацепки и царапинки на подоконниках, пыталась сочинять, сплетать рифмы, лишь бы...

Лишь бы что угодно, только не это.

Как и любого другого пациента Святого Мунго, Марту поняли и приняли. Делали поблажки. Искренне радовались, когда у нее появилась возможность преодолеть травму вне этих лимонных стен. Выписали поддерживающие эликсиры.

У многих не было такого шанса.

Марта дошла до таблички с указателями. Уставилась на нее, перекаывая во рту буквы, медленно складывающиеся в слова.

Травмы от рукотворных предметов...

Ранения от живых существ...

Волшебные вирусы...

Отравления растениями и зельями...

Недуги от заклятий...

Буфет для посетителей...

Больничная лавка...

Марта подняла глаза на надпись «Недуги от заклятий». Пятый этаж.

Ее этаж.

И обитель тех, кто так или иначе страдал от повреждений мозга.

Она двинулась дальше по коридору, шаркая тапочками. Вдалеке заприметила фигуру мужчины в фиолетовом халате, что с бессмысленной глуповатой улыбкой глядел в окно.

— Здравствуйте, профессор Локонс, — поздоровалась Марта, подходя ближе и пристраиваясь на подоконнике.

Мужчина перевел на нее взгляд и, не стирая с лица улыбки, быстро заговорил:

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! — мурчащим, полным обольщения голосом, — хотите взять у меня автограф?

Марта слабо улыбнулась.

— Я уже брала у вас автограф.

Мужчина вскинул указательный палец и шутливо погрозил им.

— Я бы обязательно это запомнил, юная леди! Юная леди... — он запнулся, задумавшись. Улыбка быстро увяла. Марта уловила в его глазах секундную растерянность, сменившуюся озадаченностью.

— Я — профессор? — удивлённо спросил Златопуст, клоня голову вбок, будто к кому-то прислушиваясь. Со стороны могло показаться, что он разговаривает вовсе не с Мартой.

— Вы говорили, что преподавали в Хогвартсе, помните? — напомнила Марта, после этого вытягивая щеки, чтобы смочить рот слюной. От зелья еще оставалась какая-то неприятная сухость.

— Я говорил? — недоумевал мужчина. Повел подбородком, точно растягивая шею, пару раз моргнул, и выпрямился.

— Мы знакомы, юная леди? — прищурился он, — хотите мой автограф?

Марта старалась смотреть без сожаления и не думать — это то, что ее ждёт? Забвение? Плутание из угла в угол в ловушке собственного разума?

Она познакомилась с профессором этим летом. Бонни, другая целительница, рассказывала, что Локонса здесь совсем никто не навещал и не понимала, как это вообще возможно. Ведь, по ее словам, он тот ещё душка и его нельзя было не любить.

Марта подходила к нему, когда замечала в коридорах. И все их разговоры мало отличались друг от друга. Иногда в его памяти что-то вспыхивало, и он рассказывал о временах своего преподаательства в школе.

Бонни уверяла, что Локонс идёт на поправку, а Марта думала — и сколько он уже здесь? Третий год.

— Меня зовут Марта де Веллер, — сказала девушка, понимающе поджимая губы.

Златопуст опустил голову, поигрывая носками ботинок, и несколько раз повторил её имя.

— Марта де Веллер. Марта де Веллер...

— Верно, профессор, — кивнула она, — дадите мне свой автограф?

Мужчина выпрямился и ослепительно заулыбался, поправляя причёску.

— Я уже умею писать письменными буквами, — заявил он, — у вас есть моё фото?

Навстречу им по коридору двигались двое. Одна — уже престарелая дама, другой на вид лет 40. На голове у пожилой женщины была эксцентричная шляпка с чучелом стервятника набекрень. Она придерживала на груди шаль и шагала ровно, с не по возрасту прямой горделивой осанкой, ведя под руку пациентку.

Та глазами-стеклами смотрела перед собой, изредка вскидывая голову и показывая пальцем куда-то вверх. Вела им направление за одной только ей видимой целью.

— Мышка лапками... Топ-топ...

— Да, Алиса, — скрипуче сказала женщина, кивая, — здравствуйте, — она повернула голову в сторону Марты и Локонса.

— Добрый день, — откликнулась Марта.

— Мы встречались раньше? — спросил Златопуст.

— Конне-е-ечно! — протянула женщина и приблизилась, проговаривая чётко, — Августа

Долгопупс.

— Долгопупс, Долгопупс... — закивал Локонс, в задумчивой позе прикладывая руку к губам, сиюсья припомнить.

Августа открыла дверь одной из палат, что была напротив их подоконника, и передала свою дочь в надёжные руки целителя. Вернулась, примостившись между ними, и вздохнула. Но не с грустью. Так, словно ноги устали с дороги.

Она искоса поглядела на Марту, подняв уголок губы. Девушка смотрела на палату сквозь открытую дверь, наблюдая за темноволосой короткостриженной женщиной, что возилась с фантиками из-под конфет.

— Прискорбно вам? — насмешливо поинтересовалась Августа.

Марта медленно перевела на нее взгляд и ответила:

— Нет.

— Оно и правильно.

— Златопустик, пора возвращаться! Я тебя везде ищущу! Ты же снова потеряешься! — раздался голос Бонни. Она подбежала к Локонсу, игриво жмакнув его за бока, отчего он чуть не подпрыгнул и засмутился.

Августа, посмотрев на это, непринуждённо продолжила:

— Я горжусь своей дочерью. Горжусь обоими. И Фрэнком, и Алисой. Вы знаете, что их пытали Пожиратели Смерти? — она спрашивала так, словно то была невообразимо интересная история. С важным, экспертным видом.

Марта сглотнула, оторопев от её слов.

— Беллатриса Лестрейндж запытала их до безумия Круциатусом, — кивнула Августа и резко:

— Но они не сдались! Выстояли! Я все время твержу Невиллу, своему внуку, чтобы он относился к этой памяти с уважением, с гордостью, величественно! — тембр рос.

— Он стесняется... — она недовольно покачала головой.

— Вы — бабушка Невилла Долгопупса? — тихо, маскируя ужас, спросила Марта.

— Коне-е-ечно, — хвастаясь, — мой внук — талантливый гриффиндорец, в следующем году будет сдавать экзамены. А вы откуда здесь, мисс?.. — и деланно приложила руку к груди, опомнившись:

— Как невежественно, что вы не представились! — фыркнула она.

Марта спустилась с подоконника.

— Простите, мэм. Марта де Веллер. Я тоже учусь в Хогвартсе, мы с Невиллом на одном курсе.

Женщина посмотрела на нее сверху вниз.

— Это замечательно... Кого-то навещаете?

Марта помолчала, повернула голову, наблюдая за тем, как Локонс, ведомый целительницей, скрывается за углом коридора.

— Нет, я здесь... Сама, — в итоге ответила она, посмотрев в глаза старой дамы.

Та понимающе качнула головой. Изучающе всмотрелась в ее лицо. И с хитрым прищуром, со знанием дела, словно выставляя оценку:

— Вы справляетесь.

Марта невольно улыбнулась, чувствуя странное облегчение от этих слов.

— Спасибо, мэм.

Шел уже третий день ее пребывания в Мунго. Они с профессором не рассчитывали, что поиск дневника так затянется. Марта думала, что вернется в Хогвартс в тот же день, а потому не взяла с собой никаких вещей.

Черт возьми, у нее даже не было пергамента, чтобы сообщить Малфою, что она в порядке.

Интересно, а ищет ли он её вообще? Беспокоится ли?

Наверное, да... Ведь она обещала помочь Нарциссе, а теперь как сквозь землю провалилась.

Боже, что будет, когда она вернётся?

<http://tl.rulate.ru/book/101458/3489901>